

Конкурс «Белорусы Латвии. Прошлое и настоящее.»

Номинация «Интересные личности»

**Анастасия Ермолаевна
Шлесина**

Автор:

Алексей Порфирьевич Шлесин

Белорусское общество «Прамень», г.Рига

2015

Конкурс даследчых работ «Беларусы Латвіі. Мінулае і сучаснасць», 2015

Пела мне мама песни над моей колыбелью.

Беларусь ты моя, Беларусь !
Моя совесть, и гордость , и грусть.

Родился я под синим небом Беларуси в далеком 1939 году. Наш хутор стоял на краю поля, а рядом был сосновый бор и протекала река Проня.

Появился я на свет шестым ребенком. Рядом с нашей хатой стояла хата дедушки Ермолая и бабушки Дарьи. В те времена жили с того, что выращивали на земле, и поэтому с детства каждому приходилось трудиться. У каждого ребенка были свои обязанности. Необходимо было пасти скот, нарвать травы для поросят, полоть грядки и многое другое по хозяйству. В хозяйстве всегда было много работы и у взрослых и у детей, поэтому праздного времени не было. Подрастая в труде, у детей невольно формировался свой взгляд на жизнь. С раннего детства они уже начинали понимать простую истину: если хочешь хорошо жить, надо хорошо трудиться.

Наша мирная жизнь была нарушена войной.

1 июля 1941 г. отец ушел на фронт. Как мы узнали после войны ушел добровольно. 14 июля в нашем районе оказались немцы.

Осталась мама одна с шестью детьми, да еще на ее попечении были пожилые бабушка и дедушка.

Вот тут и сказалось умение трудиться на земле. Жили с того что могли вырастить . Со ржи выпекали хлеб, с ячменя делали крупу. Самым ходовым продуктом была картошка. С нее готовили не только разные блюда, но и готовили корм для коровы и поросят. Естественно в годы оккупации ни о каких деньгах речи не было.

Так мы жили до конца сентября 1943-го. 28 сентября нашу деревню Халипы освободила Красная армия. Но здесь нам сильно не повезло. Как известно, наступая в 1943-м наши рассчитывали дойти до Днепра. С наших мест до Днепра 60 км. Гитлер считал, что Днепр будет непреодолимым рубежом для Красной армии и поэтому заранее готовил многорубежную линию обороны. Одна из этих линий проходила по реке Проня, которая протекала параллельно Днепру. Эту линию немцы называли «Pantera». Для ее строительства сгоняли все местное население. Строилась она все лето 1943-го.

Не смогли наши преодолеть эту линию осенью. И поэтому оказалась наша деревня прямо на передовой. Пришлось мирному населению покинуть свои дома. Военные обнадежили сельчан и сказали, что через 2-3 дня погоним немцев дальше. Понадеялись на это люди и не стали уезжать далеко от своей деревни. Отъехали 2 км и спрятались в Козусевом овраге. Переночевав там, утром развели костры, чтобы приготовить еду. С противоположного берега Прони немцы заметили дым и начали нас обстреливать из орудий. Прискакал какой то красноармеец на лошади и приказал нам уезжать дальше. Переехали мы в Панечу. Там жила бабушка

Конкурс даследчых работ «Беларусы Латвіі. Мінулае і сучаснасць», 2015

Александра и тетушки Ольга и Варвара. Собралось нас в бабушкиной хате 4 семьи. От линии фронта Панеча находилась в 4-5км и не просматривалась немцами из-за Головицкого бора.

Тесновато было, но все же была крыша над головой. На нашу беду метрах в 400-х от хаты бабушки расположилась батарея наших орудий, чуть дальше около Лесковки еще одна батарея. На восточной стороне кладбища рядом с бабушкиной хатой вырыли солдаты окопы для укрытия артиллерийских лошадей, чтобы укрывать их от артобстрелов.

Немцы быстро определили место дислокации этих батарей и начали обстреливать со своих орудий. Для корректировки огня над нашими позициями появлялся немецкий самолет - корректировщик и начинался обстрел. Солдаты быстро уводили своих лошадей в окопы за кладбище, а мы бежали вместе с солдатами и прятались в одних окопах вместе с лошадьми.

Было мне в то время 4,5 года, а до сего времени в ушах иногда стоит тот противный звук кружившей над нами ‘’ рамы.’’

После того как улетала ‘’рама’’, начинали стрелять наши пушки. Такие дуэли происходили регулярно. Несколько немецких снарядов разорвалось рядом с бабушкиной хатой. Все уцелели, но после этого нам приказали уезжать дальше от линии фронта.

Переехали мы в Паташню за 9 км от фронта. Населенность в хатах была такой, что по полу ночью пройти было невозможно. Помню, что по ночам сплошными рядами на полу лежали солдаты. Видимо их отводили с передовой на отдых.

В Паташне мы жили почти всю зиму. Никаких пайков, никакого пособия никто не выдавал. Жили с того, что с собою могли привезти с Халип. Долго ли на этом можно было продержаться? А кроме самих, надо было чем то накормить коровку, кобылку. Нашу кобылу «мобилизовали» в армию, а нам солдаты взамен выдали молоденькую необъезженную жеребку. Кормить было нечем. Раскрывал братец старую соломенную крышу, где можно было, и этим кормил и коровку, и кобылку. От бескормицы ослабла она за зиму до такой степени, что не могла стоять на ногах. Начали появляться пролежни. Чтобы этого избежать, начал братец ее подвешивать на веревках к балкам в сарае.

Сразу же после освобождения призвали в армию старшего брата Николая. Все заботы о хозяйских нуждах по мужской линии перешли к брату Евгению. И было ему в то время всего лишь 13 лет. Хлебнул братец горя сполна. Расскажу лишь об одном случае. В Паташне мы жили до марта. Опять мы оказались в небезопасном месте. Рядом с этой деревней находилось большое ровное поле. На этом поле сделали военные аэродром подскока. Все мирное население деревни, в том числе и подростки, постоянно очищали аэродром от снега. Начали и на это место прилетать немецкие самолеты и поэтому нас отправили еще дальше в тыл.

Переезжали в марте. В это время на проселочных дорогах образовалась распутица. Не проехать, не пройти. И по такой дороге надо

Конкурс даследчых работ «Беларусы Латвіі. Мінулае і сучаснасць», 2015

переезжать в Заполье. Был у дедушки слабенький конек Таптунок, который еле ходил. Вот на этом коньке братец и перевозил наше имущество. Сделал один рейс. Помню на тех санях нашлось место и для меня. Запомнилось и то, что перед тем как ехать, потерялась моя шапка и потому мою голову обвязали фартуком.

Приехал братец за дедушкой, который был настолько болен, что ходить не мог. Положили его на сани и едут. Тянет сани Таптунок и на очередном взгорке падает и умирает прямо в оглоблях. Дедушка подняться не может. 13-летний возница сидит и плачет...

На следующий день пошел братец снимать шкуру с Таптунка... Этой шкурой подшивал он лапти.

Заполье было не последним местом в беженцах. Весной пришлось переезжать в Чернилово в Мстиславском районе. Это уже в 40 км. от Халип. Там мы жили вместе с другими семьями в большом колхозном сарае. Весна-лето не зима. Появилась трава, зелень. Можно прокормить коровку, кобылку. Да и люди находили пропитание на лугах, в поле. В пищу шла разная зелень.

Находясь в Чернилове, в конце июня дошла до нас весть о том, что наши прорвали немецкую оборону на Проне и погнали немцев дальше.

Пошли в разведку сестра Нина и тетушка Варвара. Через несколько дней вернулись и сообщили, что в Халипы можно возвращаться, но хата наша сгорела. Грустная была весть, но другого выхода не было, надо было возвращаться на родное пепелище.

Вернулись в родную деревню. Здесь 9 месяцев стояла линия фронта. За это время земля по берегам и полям вдоль реки была изрыта траншеями, окопами, воронками от разрыва снарядов и бомб. С каждой стороны линии фронта были установлены минные поля. Во многих местах лежали непохороненные солдаты. Некому было хоронить. Армия ушла вперед. Мужчин в деревне практически не было. Женщины работая в поле и найдя непохороненного солдата, хоть как то пытались предать их тела земле, снося их в траншеи.

Много погибших в этом месте объясняется тем, что именно здесь от Халип до Старого Перевоза (Каменки) на протяжении 10 км. состоялся прорыв немецкой линии обороны «Pantera». Здесь 23-го июня 1944-го начиналась операция «Багратион» на Могилевском направлении. Для прорыва было сосредоточено много воинских подразделений, для форсирования Прони было подготовлено несколько танковых переправ. В Головицком бору была сосредоточена 222-я стрелковая дивизия. В затылок ей стояла 42-я стрелковая дивизия. 222-я форсировала Проню, овладела Головичами, прорвала 3 траншеи, продвинулась на 5-6 км. и, обессиленная, остановилась. Дальше в наступление пошла 42-я дивизия. Тяжело дался этот прорыв. Погибло много воинов. Важность прорыва обороны немцев на Проне была отмечена салютом в Москве.

Оказавшись в освобожденной деревне, взрослые пошли по блиндажам и землянкам в надежде найти что-нибудь полезное в хозяйстве. Подростки

Конкурс даследчых работ «Беларусы Латвіі. Мінулае і сучаснасць», 2015

пошли искать все, что могло стрелять. Многие мальчишки из-за любопытства подрывались на минах. Не миновала эта участь и меня.

Минное поле начиналось сразу за деревней и было ограждено колючей проволокой. С соседским мальчиком, который был старше меня на 2 года, пошли мы на минное поле собирать "мыло". Санька на правах старшего повел меня на то место, где стояли противопехотные мины. Он оказывается был там уже не первый раз. Противопехотная мина компоновалась в деревянной коробочке, похожей на школьный пенал, и в нее вставлялся взрыватель. К взрывателю присоединялась проволока. Если за нее потянуть, происходил взрыв. Санька, находя мину, разбирает ее. Вынимал из коробочки брусок тола ("мыло") и откладывал его в сторону. В другую сторону откладывал взрыватели. Все это проделывал Санька (и это в 7 лет). Меня к разборке не подпускал. Я сидел во ржи несколько в стороне от "мыла" и игрался со взрывателем. Потянул за проволочку. Прогредел взрыв. К счастью взорвался только взрыватель, тротил находился дальше и поэтому не сдетонировал.

В горячке я добежал до землянки, в которой жили, и первое, что сказал дедуле: "Дед, не бойся, мне не больно".

Начали меня спасать. Повезла меня мамочка в больницу, которая находилась в Рясне за 8 км. Подъезжая к Рясне, пришлось ехать через болото по гати. При каждом толчке возникала большая боль...

Осмотрел меня врач. Увидев мои израненные руки, ноги и рану под сердцем, сказал что я не проживу больше 2-х суток и поэтому ложить меня в больницу нет смысла. Это было сказано маме прямо в глаза.

Не растерялась мамочка. Начала спрашивать, где можно найти доктора. Подсказали, что в 8-9км. за Рясной в д.Тыща есть военный госпиталь. Привезла туда. Военный хирург осмотрел меня, достал осколок из-под сердца, обработал другие раны и оставил нас до утра. Спали мы с мамой на телеге. Рядом был привязан конь. Утром тот доктор осмотрел мои раны и сказал, что я буду жить. Написал справку и сказал что с этой справкой меня должны положить в Рясне на долечивание. Запомнился мне тот госпиталь еще одним эпизодом. Переночевав, на телеге утром к нам подошел усатый солдат, принес кашу в котелке и говорит маме: "Покорми своего "минера" да и сама перекуси. Было мне в ту пору чуть больше 5 лет. Спасла меня тогда мамочка.

Беда следовала за бедой. Со слабым характером можно было опустить руки и вместе с детьми идти по миру собирать милостыню. Но не такова была наша мама. Не растерялась, начала строить хату. А как строить? Старший сын в армии. Его Бог миловал, дошел до Кёнигсберга. Да и сам был сообразительным, за проявленную находчивость во время боевых действий сделали его командиром взвода, присвоили офицерское звание. Так и остался Коля в армии.

Отец как ушел в армию 1-го июля 1941-го, так ни одного письма от него и не получили. По данным ЦАМО пропал он без вести в 1943-м.

Конкурс даследчых работ «Беларусы Латвіі. Мінулае і сучаснасць», 2015

Выпала доля основного хозяина-строителя на братца Женю, а было ему в августе 1944-го только 14 лет. Вот они с мамой и начали строить новую хату. Строили своими руками. Это значит надо было ехать в лес, пилить сосны, грузить их на телегу и везти домой. Кроме этого, каждое бревно надо было обработать. И все это вручную. Таким каторжным трудом занимались они в течение 2-х лет.

Спустя много лет, оставшись с мамой в деревне вдвоем, я как-то спросил: "А как ты выдержала такую тяжесть?" Мама мне ответила: "Деточка, два года пока строила хату ни одной ночи не уснула. Все думала, будет своя крыша над головой, будете держаться вместе. Не будет своей хаты - пойдете нищими по свету".

Благодаря маме, мы выросли, получили образование и стали людьми, любящими свое Отечество. Главное, чему научила нас мама, это необходимость всегда трудиться. Это правило я старался соблюдать всегда.

Кроме того, что надо было построить хату, надо было добыть и пропитание. В первые послевоенные годы в наших колхозах тракторов не было. Все колхозные поля обрабатывались на лошадях. Приусадебные участки колхозники обрабатывали собственными силами. Площадь участка 50 соток и все это надо было перекопать лопатой. Был и другой способ. В плуг запрягалось 10-11 женщин и, таким образом, обрабатывалась земля на приусадебных участках. Здесь надо иметь ввиду то обстоятельство, что если к тебе пришло 10 человек тянуть плуг, то и ты должен отработать вместо лошади десяти соседям. В таких упряжках ходила мама и мои сестры. Меня по малолетству эта участь миновала, но мне доставалось тянуть на себе борону, чтобы заборонить посеянные зерновые.

Такая обработка приусадебных участков продолжалась до начала 50-х.

В первые послевоенные годы положение осложнялось голодом. Вернувшись с беженцев, естественно никакого урожая не было. Пришлось питаться тем, что могли собрать на лугу. Щавель срывали каждый день и он не успевал отрасти. Перекапывали по много раз поля, пытаюсь найти прошлогоднюю гнилую картошку.

Кроме выживания пришлось думать и об учебе. До войны школа размещалась в соседней деревне Каребы в панском доме. Во время войны этот дом солдаты разобрали на строительство укреплений и поэтому, чтобы дети могли учиться, школу открыли в разных деревнях. В Халипах школа была в Савкиной хате, которая находилась подальше от передовой и поэтому уцелела. В одном помещении сидел 1-й и 3-й класс. Учитель объяснял и спрашивал по очереди. В Панечи учились второкласники и четверокласники. Так продолжалось недолго. Собрались колхозники и построили новые срубы в Каребах. Там уже начала работать полноценная семилетка.

После окончания семилетки начал учиться в Дрибинской средней школе. Туда приходилось ходить за 7 км. Ходить надо было каждый день по проселочной дороге через лес, поле, болото. Никаких булочек, чая в школе не

давали. В зимнее время сидели на занятиях в телогрейках, валенках. Помню уже в 10-м классе на наш клас выделили в качестве помощи телогрейку. Так как в классе было много учеников, у которых не было отцов, то голосованием решали кому выдать эту телогрейку.

Кстати за погибшего на фронте отца - колхозника выдавали на одного ребенка пенсию, за которую можно было купить 2кг. сахара...

Прошли школьные годы. Я с глубокой благодарностью вспоминаю своих учителей. Несмотря на то, что занятия проходили в примитивных помещениях, знания нам давали на хорошем уровне. Помимо школьной программы мы много читали. В районной библиотеке была вся современная литература. А так как не было радио и телевидения, то основным источником знаний были книги. Популярными были журналы: "Техника молодежи", "Знания - сила" и др. Оказавшись в институте, я себя чувствовал не хуже тех студентов, кто приехал с больших городов. Заслуга в этом принадлежит школе.

Годы учебы в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта дали не только инженерные знания, но дали возможность приобщиться к лучшим достижениям мировой культуры. Для студентов были доступны музеи, театры, концертные залы. Кто-то из великих сказал: "Архитектура - это застывшая музыка". Видя в Ленинграде каждый день произведения архитектуры, сотворенной мастерами мирового уровня, невольно становился другим человеком. Исходя из прожитых лет, искренне благодарю и ЛИИЖТ, и в целом Ленинград за то, что они дали для моего развития.

В те годы подготовка специалистов происходила на высоком уровне. Давали не только профессиональные знания, но и учили как надо работать. В обязательном порядке за период учебы каждое лето надо было поработать на рабочей должности. Чтобы получить допуск на рабочее место, необходимо было сдать экзамен. Заканчивая учебу, получая диплом инженера, специалист хорошо представлял условия своей дальнейшей деятельности. В дальнейшем это способствовало творческому росту на производстве.

За годы учебы в институте мне удалось поработать стрелочником, составителем поездов, проводником вагонов, монтером пути, приемосдатчиком грузов, дежурным по станции.

Закончив учебу в институте в 1964 году, я прибыл на ст. Елгава.

В тот год шла реконструкция станции. Менялось путевое развитие, стрелочные переводы с ручного управления переводились на электрическое. Все это производилось, не прерывая движения поездов, и требовало повышенного внимания к безопасности. Мне непосредственно приходилось заниматься этими вопросами.

Спустя полтора года меня перевели в Елгавское отделение на должность заместителя начальника планово-технико-экономического отдела.

Здесь приходилось заниматься внедрением новой техники, мероприятий, направленных на повышение пропускной способности всего отделения.

В 1974 г. был переведен в Управление Прибалтийской ж.д. на должность зам. начальника отдела организации труда, заработной платы и техники безопасности. Позже стал начальником этого отдела.

С прекращением работы Прибалтийской дороги в 1991-г. создал страховую фирму "Latgarant".

Все годы работы на дороге старался не только хорошо исполнять прямые служебные обязанности, но и постоянно стремился найти более рациональное решение.

С этой целью в научно- общественном журнале "Железнодорожный транспорт" было опубликовано 5 научных статей, в журнале "Карьера" было опубликовано 3 статьи. В периодической печати опубликовано более 30 статей.

В 1988 г. в издательстве "Транспорт" (Москва) была выпущена книга "Важный резерв повышения производительности труда", в которой изложен передовой опыт Прибалтийской ж.д. по организации труда и намечены пути дальнейшего развития этих вопросов.

Более 50 лет живу я в Латвии. Все эти годы не только добросовестно и творчески трудился, но и постоянно помнил и с любовью относился к своей Родине. Картинки детства и юности сохранились в моей памяти до сего времени.

Еще в 1965-м получил садовый участок на берегу р. Светэ, и с тех пор то место стало для меня второй Родиной. Помня свою деревню Халипы, свой садовый участок назвал уменьшительным именем "Халипинка". На участке между садом и речкой высадил лесные деревья, напоминающие о нашей семье. В память об отце посажен дубок, в память о маме - липа, в память о сестрах - березы, в память о братьях - клены. Вокруг этих деревьев посажены сосны, ель и другие деревья. Со своей деревни привез калину и полынь, с Пятигорска крымскую сосну, с Подмосковья краснолистный фундук, который размножил не только для своего кооператива, но и для многих знакомых в других городах и республиках. Так получилась семейная роща, которая напоминает не только о моем происхождении, но и украшает наш садовый коллектив. В память о годе основания рощи привез большой камень и выбил на нем год основания рощи.

Думаю, что любовь к земле определяется не только добросовестным трудом, но и тем сколько ты вырастил деревьев.